

Влияние герменевтики Дильтея на трактовку феномена психического Х. Плеснером

Кянганен Кирилл Вячеславович

аспирант кафедры философской антропологии и теории культуры,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0009-0006-0529-9533. E-mail: kirill.kyanganen@gmail.com

Аннотация. В статье предлагается оценить роль герменевтики В. Дильтея в исследовании психического Х. Плеснером. В ходе изложения указывается на ряд проблем, затрудняющих квалификацию психической реальности. Так, с одной стороны, некоторые человеческие формы экспрессивности, такие как смех и плач, выступают как чисто телесные реакции на отмену сознательного поведения. И не могут быть отнесены к сфере психического с учетом исследовательской позиции самого Х. Плеснера. С другой стороны, психическая реальность концептуально сближается с культурной реальностью и реальностью духовной, а периодически – их дублирует. Тем самым осложняется положение концептов «внутреннего бытия», «внутреннего мира» и ставится под вопрос необходимость существования отдельного понятия психической реальности. Что связывается автором с тем обстоятельством, что Х. Плеснер изначально ассоциировал тему психического с психофизической проблемой, а не с дилеммой природное/культурное, когда был осуществлен сдвиг в сторону герменевтики В. Дильтея. При этом сама герменевтика определяется Плеснером в качестве универсального метода философской антропологии. А подход Дильтея расширяется таким образом, что экспрессивность становится ключевой характеристикой человеческой жизни. Тогда как описательная психология – основным инструментом постижения внутреннего бытия. В выводах отмечается зависимость границ концепта психической реальности от методологической ориентации В. Дильтея. Указывается, что бессознательное выпадает из плеснеровского поля психического, а представление о личности сближается с социальной идентичностью.

Предполагаемый анализ планируется реализовать классическими для философского анализа методами интерпретации, сравнения, обобщения. Теоретическую основу исследования составляет разработанный Х. Плеснером подход к исследованию структуры человеческого существования, разворачивающийся в двух плоскостях: горизонтальной – человек как субъект и объект культуры. И вертикальной – человек как субъект и объект природы.

Ключевые слова: герменевтика, психическая реальность, философская антропология, эксцентрическая позициональность, личность.

Введение. В настоящее время феномен психического подвергается существенной переоценке. Так, появление новых оптик философского анализа в рамках постструктурализма – шизоанализа Делеза и Гваттари, лингвистической парадигмы Ж. Лакана, неклассической антропологии Ю. М. Бородая, Ф. И. Гиренка – вновь актуализирует проблему психического. При этом психическое рассматривается как общая черта культурного мира в целом, а особый интерес к психологическим проблемам выступает отличительной особенностью современного человека. Вместе с тем в философском анализе, как правило, используется психоаналитическая методология либо осуществляется трансформация понимания психического на основе интерпретации и полемики с классическим учением Фрейда, строившего свою концепцию на основе данных патопсихологических наблюдений. Например, С. И. Мозжилин говорит о психической реальности духа и духовном производстве, обязательных в развитии нравственного сознания. По его словам, «условием замещения стадных зоологических стереотипов поведения нравственным нормированием является... вера в невидимого, но всевидящего контролера дел и поступков человека, именуемого духом» [15, с. 105–106]. Ссылаясь на Фрейда, он заявляет, что структура культуры аналогична структуре психики отдельного индивида. Тем самым стираются границы между духовной и психической реальностями. Следует отметить, что в самой статье С. И. Мозжилина психическая реальность увязывается преимущественно с цензурирующей функцией Сверх-Я. В то время как иные ее аспекты не упоминаются.

Между тем в философской антропологии есть опыт трактовки феномена психического на основе иных теоретических оснований. Так, в первой трети XX в. это было сделано Х. Плес-

нером, который обосновал методологический ресурс герменевтики В. Дильтея для изучения психической реальности. Рассмотрение указанного феномена с позиции классической философской антропологии позволит сделать изучение данной темы более полным. Однако в настоящее время практически нет статей, в которых бы предметно рассматривался методологический подход Х. Плеснера и его влияние на философское понимание психического.

Имеющиеся исследования можно типологизировать следующим образом: первая группа работ представляет собой попытку расширения философской антропологии путем приложения теории Х. Плеснера к сведениям, почерпнутым из современной биологии. Так, Жос Де Муль отстаивает тезис, что методологическая установка В. Дильтея, сопряженная с учением Х. Плеснера о ступенях органического и конкретизированная недавними разработками в области системной биологии и нейропсихологии, выступает плодотворной почвой для развития биогерменевтики [24, р. 118]. Если для представителя философии жизни история обозначает лишь историю культуры, то для философа антрополога невозможно адекватное воззрение на понимание исторического положения человека вне контекста его естественной истории [24, р. 117]. Кроме того, Де Муль считает, что В. Дильтей, невзирая на дихотомический подход, признавал особый статус наук о жизни, ассоциирующихся со вторым лицом и демонстрирующих прямую связь с «имманентной целесообразностью живых существ» [24, р. 118]. Таким образом, путь наук о жизни – второе лицо. Не третье, характерное для естественных наук, устанавливающих причинность, но и не первое, к которому тяготеет культурализм, опирающийся на понятие смысла. Лишь находясь в положении второго лица, «человек вступает в “диалог на равных” с внешним миром, в диалог “я” и “ты”» [23, с. 80]. Вместе с тем Де Муль признает, что Дильтей так и не развил ветку разрозненных суждений в систематизированную теорию органической жизни. А «отсутствие у Дильтея четкого разграничения биологической и герменевтической связи приводит к весьма неоднозначному биолого-герменевтическому дискурсу» [24, с. 122], открывающему перед его восприимчивыми двумя путями: первый связывается с именами Хайдеггера и Гадамера. В нем усиливается демаркационная линия, затеняющая биологическое измерение и препятствующая развитию биогерменевтики. Вторая стратегия, напротив, состоит в серьезном отношении к неоднозначным наблюдениям Дильтея и принятии утверждения о промежуточном положении «органической жизни между неорганической природой и историческим миром» [24, с. 123]. По мысли Де Муля, именно внесистемный характер рассуждений Дильтея, а также отсутствие четкого разделения биологического и герменевтического позволило дальнейшим исследователям раскрыть идеи биогерменевтики. Через дильтеевский концепт «элементарного понимания» и идею общего воплощенного праксиса, возникающего в процессе взаимодействия с другими, Де Муль переходит к теории Х. Плеснера. Если возможности анализа ограничены, особенно когда дело касается чужого разума, то фундаментальная выразительность человеческой жизни фактом своего существования преодолевает этот заслон. В свою очередь Шульга Е. Н. рассматривает концепцию эйдетической биологии в качестве продолжения основных идей биогерменевтики, смысловой фундамент которой был заложен В. Дильтеем и Х. Плеснером. Подобный подход, основанный на понимании, говорит Шульга, прямо противоположен взгляду «на организм как исключительно генетически “запрограммированный”» [22, с. 94]. Напротив, организм рассматривается как «читатель книги жизни». Соответственно, и генетический код понимается в виде текста, подлежащего интерпретации, а живое тело выступает хранителем смысла [23, с. 83]. Однако этот тезис вовсе не равноценен тому, что в своих жизненных проявлениях человек должен интерпретироваться с позиций биологии. «То, что мы принимаем во внимание сложившиеся инстинктивные и поведенческие условия человека как вида “живого”, не означает возможности включения биологического в основание метода философской антропологии» [21, с. 152]. Хотя человек и подобен животному в освоении окружающей среды, его положение не ограничивается исключительно центрической позицией. Помимо борьбы за выживание, «человек переживает свое телесное, формируя собственную уникальную внутреннюю жизнь, которая заполняет пространство его души» [21, с. 154].

Вторая группа исследователей актуализирует базовые понятия философии Х. Плеснера в целях их дальнейшего применения в философской антропологии. К примеру, Н. И. Ищенко полагает, что такие специфические категории, как «телесная экзистенция» и «экспрессивность», задают направление всему антропологическому учению Х. Плеснера, который, «отказываясь “отрывать” экзистенцию от жизни <...> следует философской программе В. Дильтея» [12, с. 40]. При этом в поисках психофизически нейтрального подхода к пониманию человека

Плеснер одновременно стремился отразить и биологическую, и «внебиологическую» специфику природы человека как такого живого существа, которое в своем естественном существовании с необходимостью преодолевает биологические рамки этого существования» [11, с. 70]. Исследуя концепцию смеха и плача, Ищенко акцентирует наше внимание на том, что в философии Плеснера телесное измерение личности – основной объект «феноменологического описания и герменевтического истолкования: в них опыт непосредственного переживания мира на телесном уровне находит свое выражение» [13, с. 75]. Однако анализируемые И. И. Ищенко эмоции смеха и плача рассматриваются в качестве специфичных для человека телесных реакций на утрату самоконтроля. Что затрудняет отнесение последних к психической реальности, если мы принимаем за отправную точку понятие психического в том виде, в котором оно сконструировано самим Плеснером.

В целом мы видим, что в исследованиях теории Х. Плеснера вопрос о герменевтике В. Дильтея как методе изучения психического специально не освещается. Между тем, с учетом значимости данного феномена в современном гуманитарном знании, представляется важным исследовать то, каким образом его рассматривает классик философской антропологии.

Поворот конца XIX – нач. XX столетия в понимании психической реальности. В соответствии с логикой рассуждений Х. Плеснера ключевые метаморфозы понятия психической реальности связаны с теорией В. Дильтея, нацеленной на самопонимание «жизни в пространстве ее опыта» [16, с. 41]. По словам Плеснера, философия Дильтея была призвана разрешить картезианскую дихотомию души и тела. Человека как воляще-чувствующе-представляющее существо Дильтей принимает за основу исследования даже когда предметом объяснения выступают такие концепты, как «внешний мир», «время», «субстанция», «причина» [9, с. 274]. В своем основополагающем сочинении «Введение в науки о духе» (1880 г.) Дильтей отмечает связь наук о духе с непосредственно доступной человеку психической деятельностью – переживанием. Поскольку переживание не поддается объяснению и может быть лишь истолковано и описано, оно не подлежит членению на элементарные фрагменты мира, низводящие целостность жизни к тем или иным физическим законам.

Самосознание становится критерием принадлежности наук к духовной сфере: «человек обнаруживает в своем самосознании такую суверенность воли <...> такую способность все подчинить своей мысли и всему противостоять в неприступной крепости своей личностной свободы, что это выделяет его из всей совокупности природы... И поскольку для него существует только то, что стало фактом его сознания, в этом самостоятельно в нем действующем духовном мире – вся ценность, вся цель его жизни, а в создании духовных реальностей – все назначение его деятельности» [9, с. 282]. Человек, сопротивляясь гнету естественных законов, – подчеркивает философ, – возводит крепость в границах своего разума и воображения и, отталкиваясь от них, фундирует человеческую историю, в которой уже не властвует необходимость, а механический ход природных изменений утрачивает инерцию. Происходит развитие как в отдельно взятом индивиду, так и в целом человечестве, поднимающемся «выше той бесплодной и утомительной деятельности повторения в сознании природных процессов» [9, с. 282]. Дильтей отвергает прежний механицизм, критикует принцип лапласовского детерминизма и рациональную психологию, называя ее «метафизикой духа». Последняя, начиная с Декарта до Маха, перманентно пыталась выстроить устойчивую картину соотношения духа и тела. Однако все указанные попытки, на взгляд Дильтея, провалились, ибо грешили аналогией, описывающей природу как сложный механизм, выстроенный согласно законам механики. Выработанные новоевропейскими философами представления уже с самого начала имплицитно содержали в себе противоречие. Поскольку если «хотя бы одна-единственная душа извне производит в этой материальной системе определенное движение» [9, с. 63], тогда обострение напряжения приводит к ее распаду. Прежние положения оказались поколеблены единственным исключением, и таковым исключением оказался человек. Ищущий и смятенный, полный страха и трепета, жизненного порыва и воли. Хотя Дильтей и говорит о вопрошании самосознанием самого себя, с очевидностью подразумевается не Cogito Декарта, Фихтевское «Я» или Кантовский «познающий субъект», чья чистая мыслительная деятельность квалифицируется как «разжиженный сок разума» [9, с. 99], а тотальное единство, выраженное в формуле: «мыслю, желаю, боюсь» [20, с. 63]. Тем самым выносится предупреждение о невозможности выхода человеческого познания за пределы жизни. Когда психолого-историческая взаимосвязь между непосредственностью переживания и историческим миром, погруженным в конкретное время, сообщает Дильтей, стала настолько выразительной, что игнорировать ее

более не представлялось возможным, метафизическое состояние ума, насыщенное вневременными сущностями и трансцендентальной субъективностью – упразднилось в силу развития теории познания и психологии [10, с. 391]. Мир более не мог пониматься как абстрактная предпосылка и условие познания, а человек – вне контекста переживаемой истории.

Вслед за А. Бергсоном Дильтей провозглашает психическую жизнь единым непрерывным потоком, чья сущность иррациональна, подсознательна и наделена своеобразной телеологической интенцией. Реальность раскрывается человеку как реальность переживания [9, с. 465], поэтому и сам внешний мир обретает узнаваемые нами черты лишь в самосознании, данном нам как бытие, действительность, «познание которой и открывает перед нами несомненную реальность» [9, с. 465]. Она не сужается до наблюдаемых фактов и не ограничивается объектом рассудочного усмотрения. То или иное чувство «не есть мой объект, но в то время, когда это состояние мною осознается, оно налицо передо мной таким, который именно сознает. Я убеждаюсь в нем» [8, с. 95]. Так манифестирует себя истина переживания. Психический мир – это наша воля, зависящая от творчества субъекта фактичность, целая история, «то есть живая изначальная реальность» [9, с. 422]. Жизнь равнозначна истории. Жизнь – это переживание, рождающееся во взаимодействии человека с вещами и другими людьми.

Антропология для Дильтея – не просто одна из рядовых дисциплин, озадаченная наравне с другими проблемами человека. Наоборот, в антропологии заключается сама сущность творчества. Она «всегда удел художника, обращающего свой взгляд на психическую жизнь... [и] позволяющая постигать индивида, эпоху, нации» [10, с. 388]. В антропологии отрицается власть внешнего мира, чья реальность, по словам Дильтея, заключена в подавлении человека. Здесь важно замечание Фритьефа Роди – автора новейших исследований герменевтического аспекта философии жизни, который подметил особенность дильтеевского подхода к пониманию психологии. Как он говорит, во многих случаях Дильтей употребляет термины «психология» и «антропология» как взаимозаменяемые [18, с. 13]. Тем самым философ переходит от умозрительного мировоззрения к жизнеотношению, в котором соединяются водоедино и ходы объективно наблюдаемых событий, и их отраженные в сознании образы. Единственным методом понимания жизни становится описательная психология, а противоположность материи и духа замещается дуализмом ощущаемого мира и внутреннего мира психических событий и действий [9, с. 284]. И здесь как нельзя кстати приходится феноменологическое исследование психического, на которое Х. Плеснер обращает свое внимание, хотя и делает основополагающим методом исследования герменевтику, способствующую раскрытию сущности человека. Необходимость обращения к феноменологии, а точнее, к ее дескриптивному аспекту, связывается Плеснером с тем, что: во-первых, феноменология служит инструментом реализации программы В. Дильтея «объяснить жизнь из нее самой». Во-вторых, сама философская герменевтика хотя и проясняет «возможность опытного постижения жизни... не может опираться на какой-либо опыт и опытные понятия. В этом случае к ней на помощь приходит феноменологическая дескрипция» [16, с. 41].

По словам А. М. Улановского, несмотря на влияние творчества Дильтея, феноменологическая психология Гуссерля задавала новый вектор развития описательного подхода [19, с. 189]. Суть предложенного Гуссерлем дескриптивного метода можно выразить через отказ от идей эссенциализма и претензий на познание в вещах чего-то иного, помимо очевидно обнаруживаемых нами данностей. Гуссерль писал, что «психология должна изучать – дескриптивно – переживания, составляющие Я» [4, с. 335]. По замечанию феноменолога А. Райнаха, вместо редукционистских объяснений психических феноменов, психологии необходимо заниматься прояснением последних. «Привести Что переживания, от которого мы сами по себе столь далеки, к предельной наглядной данности» [17, с. 331]. Гуссерль объявляет подход, согласно которому психическое – суть реальность, зависящая от телесности, – бессмысленным. Напротив, в отличие от физической реальности с ее производными параметрами мира (пространственно-временными, причинно-следственными и т. д.) в человеке существует автономная сфера, в которой «дух существует в себе самом и для себя самого, независим, и в этой своей независимости может изучаться истинно рационально» [6, с. 125]. При этом, как уточняется, под духом Гуссерль понимает область психического, ответственную за мир культуры и творчество [4, с. 31]. А поскольку «феноменологически чистое понятие переживания включает в себя понятие некоторой психической реальности» [4, с. 346], то и непосредственное Я, будучи замкнутым в себе психическим единством переживаний, темпорально развертывает-

ся в виде очевидно доступного нам такового единства [3, с. 144]. Оно принадлежит внутреннему бытию и «не может иметь точку “внезаходимости”» [1, с. 25].

Вместе с тем в концепции Плеснера феноменология выступает вспомогательным по отношению к герменевтике методом. И, в частности, используется, когда философу необходимо получить какие-либо внеопытные сведения о психическом. Не случайно сам Гуссерль в поздних работах признавал неотделимость Я от мира, предпочитая таким терминам, как «субъект», «сознание», «Я», говорить о «жизни как переживании мира» (Welterfahrendes Leben). При этом, по замечанию Плеснера, открывая доступ к непосредственному созерцанию, необходимо воздерживаться от придания созерцаемому онтологического статуса. Что касается самой феноменологической дескрипции – то она далеко не единственное средство на пути построения герменевтики в качестве философской антропологии [16, с. 41]. В частности, в силу ограниченности последней – фактами сознания. Однако целостное понимание человека невозможно без учета достижений современной биологии. Ее открытия задают контекст исследования, который философ подвергает реинтерпретации, после чего восполняет обнаружившиеся пробелы, обращаясь к метафизическому стилю мышления, в котором биологически понятая жизнь «оказывается “чьей-то”, какого-то отдельного человека <...> трансформируется в личное жизненное единство» [21, с. 152]. Поэтому, заключает Х. Плеснер, коренной вопрос состоит не в том, как нами осмысливается обсуждаемая противоположность души и тела, ибо нас удовлетворяет уже факт ее существования, а в том, «действительно ли вообще идет речь о фундаментальной противоположности»? [16, с. 85]. Так, произведенное смещение взглядов с картезианского дуализма и механицистских объяснений человека, характерных для эмпириокритицизма, на человека, понятого в качестве живого деятельного центра, привнесло в философские представления о психической реальности существенные перемены, а именно изменился уровень ее истолкования. Тем самым был осуществлен теоретический сдвиг с психофизической проблемы на актуализированную в XX столетии философскую тему соотношения природного и культурного.

Проблематичность сущности человека в дескриптивной психологии: в поисках альтернативы. Хотя целью изысканий Дильтея и Гуссерля было научное исследование жизненного мира, выходящего за альтернативу физическое/психическое. Все же, – возражает Плеснер, – это обстоятельство не оказывало существенного влияния на их методологические установки. И по своей направленности концепции феноменологии и философии жизни отсылали лишь к психическому как смысловому полю (внутреннего бытия), наполняющему человека. В то время как мир природы рассматривался сугубо сквозь призму социально-культурных реалий, оторванных от биологического базиса. По словам Плеснера, пропитанные психическим, они (реалии) насыщаются «содержанием, не имеющим аналогов в действительности» [16, с. 83]. Тем самым разрывается витальная связь с телесностью, и дематериализованный мир переносит человека из сферы несовершенной, подчиненной времени и принципам эволюции вселенной в царство идеальных форм, универсума прецизионности, самополагающей себя воли и смысла. У Гуссерля это нашло отражение, к примеру, в «Начале геометрии», где ставился акцент на поисках идеальной предметности и преемственности традиции посредством языка. У Дильтея – в избыточной вере в силу сознательной установки.

Выход из назревшей проблемы предлагается Плеснером в философско-антропологическом подходе к пониманию человека. Обращаясь к творениям человеческой культуры, говорит он, мы уже не можем рассматривать последние лишь как некий конгломерат физического, психического или чего-то третьего. Они изначально являются нам в качестве «первичного единства». Так мы продвигаемся к «жизненной основе, из которой вырастает в своей исторической подвижности культура, – к человеку» [16, с. 83]. Плеснер предлагает изучить телесное воплощение переживания, указывая на двойственность природы человека. Человек, будучи существом одухотворенным и проективным, не способен целиком и полностью вырваться из живой природы. «Из нее черпает он энергию и материал для любой своей сублимации» [16, с. 85]. Поэтому философско-антропологическое воззрение на психическую реальность должно исходить из учения о законах и категориях жизни. В этом смысле герменевтика как ключевой метод исследования целиком воспринимается Х. Плеснером. Однако, в отличие от В. Дильтея, она распространяется далеко за пределы индивидуальной биографии авторов. У Плеснера отсутствует цель описывать душевные состояния конкретной личности, поэтому он первоначально прилагает освоенный метод к толкованию объектов природного мира и окружающей среды. Поскольку «прежде чем делать следующий шаг к теории жизненного опыта, соответ-

ствующей высшему слою – слою человеческого, необходимо достигнуть ясности в том, что можно назвать живым» [16, с. 52]. Лишь после указанного этапа происходит «конституирование герменевтики в качестве философской антропологии, возведение здания антропологии на фундаменте философии живого бытия в его природных горизонтах» [16, с. 47]. Как мы видим, герменевтика становится универсальным методом, позволяющим антропологии совершить восхождение, начиная с организации неживого мира и далее, по ступеням органического к высшей точке земного бытия – человеку. А его изначальное позиционирование в качестве эксцентричного существа задает особый модус познания.

В концепции Плеснера исследуется не столько отдельный индивид, посредством изучения которого нами раскрываются фрагменты, из коих в дальнейшем реконструируются общество и человеческая история (замысел Дильтея), сколько органический мир, на последней ступени которого появляется специфичная сфера человеческого бытия, где каждая личность обнаруживает себя и пребывает не там, где она фактически находится. Так принимается исторический фундамент наук о духе и аисторическая психология, «в центре которой – представление о человеке с его вечно неизменным психофизиологическим устройством» [14, с. 246]. Однако отклоняются попытки понимания Другого через акты вчувствования и заключения по аналогии, ибо они предполагают, что прорыв к чужому «Я» опосредуется сознанием, которым и исчерпывается человеческое измерение. Вместе с тем Х. Плеснер признает решающий вклад В. Дильтея в преодоление романтической герменевтики, исходящей из идеи независимого существа, постигающего себя и жизненный мир без «естественной необходимости» взгляда Другого, и объясняющей проникновение в чужую индивидуальность феноменом «чуда». Напротив, Дильтей стремился к пониманию «человека, как индивидуальности (части) закрытой в родовом человеке» [7, с. 103]. Однако, судя по плеснеровской критике, можно предположить, что его проект находился лишь на подступах к проблематике Другого. Потому от философской позиции Дильтея остается только методологическая основа и призыв «понять жизнь из нее самой».

По Плеснеру внутреннее и внешнее как пространственные характеристики отражают стороны одного предмета. Он приводит пример с кувшином, чьи стенки, вероятно, предзаданные биологические особенности, а их положение (выпуклость или вогнутость) зависит от угла зрения. «Внутреннее может здесь стать внешним, а внешнее – внутренним» [16, с. 89]. Дуализм Декарта заменяется дуализмом позиционной перспективы, в которой ответ зависит не столько от онтологической структуры мира, сколько от фокуса нашего внимания. Тогда, можно предположить, что нередкая для Плеснера апелляция к теориям представителей гештальт-психологии более не выглядит локальной темой философской антропологии. В самом деле, идея о фигуре и фоне глубоко укоренена в тезисе о двуаспектности существования. Человек как биологический вид детерминирован законами природы, а как существо личностное он воссоздает собственный мир, определяемый отношениями сотрудничества или противостояния явлениям мира внешнего. Предметы человеческого окружения сводятся едино в том или ином образе, однако не исчерпываются им, поскольку их чувственная данность указывает нам, пользуясь словами Хайдеггера, на собственную глубину самостояния, утверждающуюся помимо человеческих желаний и устремлений. Как утверждает Плеснер, «закон, по которому всякое сущее имеет определенные свойства и проявляется только в этих свойствах, не переходя в них без остатка, справедлив и для непространственной реальности душевной жизни: воля, чувство, мысль представляют собой нечто большее, нежели те стороны, которыми они обращены к сознанию» [16, с. 92]. Плеснер называет этот закон трансградиентией. Последняя индифферентна к различию между пространственным и не пространственным. Ее нейтральное положение делает неразличимой границу между умозрительно-смысловыми отношениями и материальными способами существования. В частности, это касается и непространственной психической действительности.

Живым центром деятельности каждого существа является его самобытие. Когда оно претворено в нем «непосредственно или рефлексивно, оно находится в переживании, “знает” свои переживания и осуществляет тем самым психическую реальность. В то же время, это осуществление привязано к психической реальности, к самобытию» [16, с. 257]. При этом масштаб протекания психических процессов, их интенсивность, индивидуальные качества вкуче со склонностями и способностями по Х. Плеснеру – априорны и оказывают влияние на переживания. В свою очередь, последние оставляют психический след, «создавая новые возможности будущего переживания <...> сами становясь возможными благодаря преданным

свойствам души» [16, с. 257]. Захваченность болью или наслаждением, по словам Плеснера, пронизывает либо затопляет нас. Он называет подобные явления «экстремальными состояниями душевной реальности» [16, с. 257]. Однако, отмечает Плеснер, из этого еще не следует, что реалии и события, оказавшиеся в поле внутреннего мира, остаются неизменными в фокусе нашего внимания. Они не отпечатываются в человеческой психике в чистом виде, ибо за каждым из подобных заключений и обобщений уже располагается не элементарная репрезентация реальности, тождественная сознанию, когда душевная жизнь совпадает с представлением о ней, а противоречивая целокупность, включающая в себя предзаданные биологические задатки, будь то темперамент, характер и общие дарования, обеспечивающие человеку те или иные склонности. Они, помимо предзаданной культурной среды, составляют эксцентричность человеческого. И с ними ведется извечная борьба волевых актов, переживаний и бессознательных процессов, выступающих против предзаданности. «Внутренний мир в действительности – это распря с самим собой, из которой нет выхода и которая не знает примирения» [16, с. 260]. В этом противостоянии обнаруживается жизненность человека, работающего на опережение. В отличие от животного, пребывающего в настоящем, человек живет будущим и ориентирован на будущее. Отсюда специфический для этого вида живого страх смерти. Поэтому человек вынужден заниматься самопроектированием, предвосхищая угрозу жизненному пространству, и вместе с тем, предвосхищая себя. «Все бывшее становится и постигается как постоянно преобразующееся благодаря непрерывному предвосхищению жизни» [16, с. 249]. Человек, говорит Плеснер, эксцентричен по своей природе, поэтому в самоположении, переживании и созерцаемой действительности он находит себя лишь как явление. Явление отнюдь не фиктивное, но явно не исчерпывающееся очевидно данной нам стороной. Если к животному приложима позиция, согласно которой оно всецело есть то, чем оно полагает себя, то к человеку, считает Плеснер, способному на растворение в переживании, невозможно установить прерогативы на самоположение. Поскольку «даже в осуществлении мысли, чувства, воления человек находится вне самого себя» [16, с. 259]. Пусть в качестве отдельного индивида он существует как внутренний мир, независимо от того, известно ему это или нет, в виде родового существа он его превосходит. Для дальнейшей аргументации определение «человек» заменяется Плеснером на понятие личности. Так незаметно осуществляется переход из антропологического измерения, ранее увязываемого с психическими и биологическими процессами в социальное. Указывается, что сама возможность ложных мыслей и проективная деятельность, нацеленная на выход за свои пределы (в случае исполнения некой роли), а также неведение в отношении того, действительно ли индивид в момент отыгрывания есть «сам по себе», накладывает серьезный отпечаток на достоверность персонального бытия. Поскольку под углом взгляда Другого личностная позиция существенно ослабевает, уступая место социальной идентичности: «никто не знает о самом себе, тот ли он, кто плачет или смеется, думает и принимает решения, или это делает <...> его иное в нем, его дублер, а может быть, и антипод» [16, с. 260]. Поэтому для Плеснера личность раскрывается в актах экспрессии, выражая и переживая себя в той или иной роли.

Соответственно, мы можем заключить, что психическая реальность служит модусом эксцентричности, поскольку, чтобы самобытие стало действительным бытием, оно должно локализоваться и проявиться за пределами самого себя. «Человек сам по себе есть Я, то есть обладатель своей плоти и своей души; Я, составляющее центр окружности, в которую оно тем не менее не включается» [16, с. 261]. Другие как явление «универсального» Я – есть предпосылка существования человека как человека, полагающего себя. А противоречивая неуместность своего положения и попытка выйти из неопределенности через Других открывает ему путь к изменениям. Так разрешается проблема чужих жизненных центров, и одновременно объединяется аргументация эволюционной логики природных процессов с логикой культурного развития. А всеобщая антропоморфизация природы и одухотворение мира рассматриваются в качестве регрессии в детское восприятие [16, с. 261]. Пантеистический образ вселенной устарел и ему не место среди трезвых взглядов на реальность. Человеку остался сопредельный мир с бытийствующими в нем смыслами, рассудком и значениями. Лишь находясь в нем, по словам Плеснера, он осознает свое положение. Сопредельный мир служит пограничной реальностью, не окружая личность и не наполняя ее «как это можно <...> сказать о внутреннем мире» [16, с. 263]. Плеснер называет сопредельный мир сферой духовного, которая пролегает «между мной и мной, мной и им» [16, с. 263].

Заключение. Таким образом, мы можем заключить, что, во-первых, проблема выбора герменевтической программы В. Дильтея обосновывается Плеснером через исключение из

фокуса философской антропологии целого ряда подходов к интерпретации психического. И сам поворот к герменевтике связан с трансформацией гуманитарного знания в целом, которое, в частности, в Германии опирается на герменевтический подход В. Дильтея как наиболее продуктивный методологический ресурс в исследовании сущности человека. Что касается дескриптивного аспекта феноменологии, то он учитывается Плеснером лишь в том объеме, который позволит углубить понимание психического в рамках исследовательского проекта В. Дильтея. При этом основным следствием нового понимания психического в теории Плеснера стал концептуальный сдвиг с психофизической проблемы на дилемму природное/культурное. Однако указанное смещение приводит к тому, что в антропологии Плеснера понятие психической реальности максимально сближается с представлением о духовной и культурной реальностях, а порой их и вовсе дублирует. Что ставит под вопрос необходимость существования отдельного определения психического. Поскольку представляется неубедительным тезис о том, что речь ведется о том же самом феномене, и единственное отличие заключается в расширении прежних границ. В противном случае, оставаясь верным логике, можно заключить, что отпала бы нужда в иных концептах меньшего порядка, коль скоро подобраны генерализирующие их замены, что не равнозначно идее об их эквивалентности. Кроме того, если В. Дильтей преимущественно использовал герменевтику для понимания отдельных, чаще – выдающихся личностей и эпохальных событий, то Плеснер приложил данный метод к человеку в целом. И если для философского осмысления культурогенеза подобное смещение сыграло исключительно продуктивную роль, в случае с проблемой психического оно привело к некоторым затруднениям.

Во-вторых, Х. Плеснер переосмысливает замысел В. Дильтея в силу ограниченности области исследований последнего – фактами сознания. В процессе поисков альтернативы к интерпретации психического Плеснер заключает, что целостное понимание человека невозможно без учета достижений современной биологии. Однако он стремится сохранить общую ориентацию герменевтики В. Дильтея на постижение человека во всех модусах его бытия, а сама герменевтика, через включение в исследовательское поле всего органического мира, становится универсальным методом философской антропологии. В изучении феномена психического герменевтика В. Дильтея позволяет выявить влияние соматических, социальных и внутренних факторов на генезис и структуру последнего. При этом она не позволяет игнорировать какой-то один аспект бытия человека в пользу другого и дает возможность рассматривать телесные переживания и феномены внутреннего бытия как различные аспекты психического. Вместе с тем в философской антропологии Плеснера психическая реальность производна от биологических задатков и социокультурных установлений. Однако утрата психическим самостоятельного места, ранее занимаемого в картезианской модели, приводит к целому ряду противоречий. Первое связано с границами сопредельного мира в теории Плеснера: если сопредельный мир не есть психическая реальность и принадлежит сфере духовного, тогда какая область относится к психическому? Например, обратившись к трудам И. Г. Фихте, которого цитирует Плеснер, можно заключить, что духовная реальность, по Плеснеру, в какой-то мере схожа с деятельностью абсолютного Я, в то время как психическая с результатами Я конечного и его самоположением. Вторая проблема: если сопредельный мир не поглощает психическую реальность подобно миру внутреннему (включая тезис Плеснера о внутреннем мире как реальности, наличной в самоположении), то почему бы и не рассматривать последний как сферу психической реальности? Подобная позиция избавляет философскую концепцию от ряда противоречий и неточностей, не затрагивая при этом аксиологического аспекта культурной реальности и не девальвируя значения психической. Кроме того, отождествляя психическое с культурным, мы не сможем исчерпывающе объяснить причины существования личностного смысла. В частности, теория интериоризации не дает нам соответствующего ответа. Третья проблема: само определение психической реальности, как и у критикуемых Плеснером авторов, остается в сфере сознательной жизни. И хотя Плеснер подорывает доверие к самоочевидности «Я», прилагая эффекты бессознательного ко внутреннему бытию индивида и сближая личность с социальной идентичностью, в отношении к человеку в целом подобная «логика подозрения» ему не свойственна. Таким образом, полем действия бессознательного выступает исключительно отдельная личность, а психическая реальность полагается своего рода очагом целенаправленных усилий человечества в целом. Но из этого заключения следует еще одна проблема. Ведь если бессознательное сохраняется за отдельным человеком, а психическая реальность присуща в концепции Плеснера только сознатель-

ной деятельности, то выходит, что отдельные представители человеческого рода, в частности – безумцы, вовсе выпадают из психического измерения. Наконец, поскольку Плеснер, говоря о психической реальности, упоминал в том числе и человеческие чувства, не получается ли так, что за произведенным им перенесением культурных реалий на реальность психического связана гипотеза о социальном происхождении чувств? О невозможности фантазии, мышления или вовсе переживания без Другого? И поэтому трансфер и наложение культурного на психическое остался незамеченным.

Итак, нам удалось обнаружить ряд затруднений, возникших в процессе исследования плеснеровской модели психической реальности. И наметить ориентиры, позволяющие обойти некоторые из них. Несомненно, анализ не должен ограничиваться указанием на описание проблемы, и тема требует дальнейшей разработки.

Список литературы

1. Батюк К. Я. Эдмунд Гуссерль о сознании как особой реальности // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 3 (1). С. 23–25.
2. Бряник Н. В. Анализ и осмысление: Э. Мах и Э. Гуссерль // Эпистемы : сб. научных статей. Екатеринбург : Ажур, 2014. Вып. 9: Аспекты аналитической традиции. С. 25–35.
3. Гуссерль Э. Избранные работы. М. : Территория будущего, 2005. 464 с.
4. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 3 (1). Логические исследования. Т. II (1) / пер. с нем. В. И. Молчанова. М. : Гнозис ; Дом интеллектуальной книги, 2001. 576 с.
5. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск : Сагуна, 1994. 357 с.
6. Дильтей В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. Изд. 2-е. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2013. 464 с.
7. Дильтей В. Герменевтическая система Шлейермахера в ее отличии от предшествующей протестантской герменевтики : собр. сочинений : в 6 т. Т. 4: Герменевтика и теория литературы / под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова / пер. с нем. под ред. В. В. Библихина и Н. С. Плотникова. М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. 531 с.
8. Дильтей В. Описательная психология. М. : РИПОЛ классик, 2018. 290 с.
9. Дильтей В. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1: Введение в науки о духе / под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова; пер. с нем. под ред. В. С. Малахова. М. : Дом интеллектуальной книги, 2000. 762 с.
10. Дильтей В. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 3: Построение исторического мира в науках о духе / под ред. А. В. Михайлова, Н. С. Плотникова // пер. с нем. под ред. В. А. Куренного. М. : Три квадрата, 2004. 418 с.
11. Ищенко Н. И. Плеснер vs Хайдеггер: проблема экзистенции // Философские науки. 2013. № 7. С. 65–78.
12. Ищенко Н. И. Хельмут Плеснер: Проблема экзистенции // Артикульт. 2013. № 4 (12). С. 37–46.
13. Ищенко Н. И. Хельмут Плеснер: смех и плач // Философские науки. 2014. № 12. С. 66–77.
14. Михайлов А. В. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. 560 с.
15. Мозжлин С. И. Психическая реальность духа и эволюция нравственного сознания // Поволжский торгово-экономический журнал. 2010. № 4. С. 104–109.
16. Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию / пер. с нем. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 368 с.
17. Райнах А. Собрание сочинений. М. : Дом интеллектуал. кн., 2001. 482 с.
18. Руди Ф. Жизненные корни гуманитарных наук. Герменевтика. Психология. История. [Вильгельм Дильтей и современная философия] : мат-лы научной конференции РГГУ / под ред. Н. С. Плотникова. М. : Три квадрата, 2002. 208 с.
19. Улановский А. М. Проекты описательных психологий и описательные исследования в психологии : сб. научных статей. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. Вып. 2: Перспективные направления психологической науки. С. 187–202.
20. Философы двадцатого века. Книга первая / А. М. Руткевич, Т. А. Кузьмина, М. С. Козлова, И. А. Михайлов и др.; под ред. Л. П. Орлова. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Искусство XXI век, 2004. 367 с.
21. Черепанова Е. С. Перспективы философской антропологии: от классической методологии Х. Плеснера к постклассической интерпретации И. Фишера // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2010. № 4 (83). С. 149–157.
22. Шульга Е. Н. Биогерменевтика, или Как мы понимаем природу – новый подход к экологии человека // Философские науки. 2017. № 5. С. 82–97.
23. Шульга Е. Н. Философские концепции жизни и значение герменевтики в понимании сущности живого // Вопросы философии. 2018. № 11. С. 76–85.
24. De Mul Jos. Comprendere la natura. Dilthey, Plessner e la bioermeneutica // Lo sguardo. Rivista di filosofia. 2014. № 14. Pp. 117–134.

The influence of Dilthey's hermeneutics on the interpretation of the phenomenon of the mental by H. Plesner

Kyanganen Kirill Vyacheslavovich

postgraduate student of the Department of Philosophical Anthropology and Theory of Culture,
Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin.
Russia, Yekaterinburg. ORCID: 0009-0006-0529-9533. E-mail: kirill.kyanganen@gmail.com

Abstract. The article proposes to evaluate the role of V. Dilthey's hermeneutics in the study of the mental by H. Plesner. In the course of the presentation, a number of problems are pointed out that make it difficult to qualify mental reality. So, on the one hand, some human forms of expressivity, such as laughter and crying, act as purely bodily reactions to the cancellation of conscious behavior. And they cannot be attributed to the sphere of the psychic, taking into account the research position of H. Plesner himself. On the other hand, psychic reality conceptually approaches cultural reality and spiritual reality, and periodically duplicates them. This complicates the position of the concepts of "inner being", "inner world" and calls into question the need for the existence of a separate concept of psychic reality. What is associated by the author with the fact that H. Plesner initially associated the topic of the mental with a psychophysical problem, and not with the natural/cultural dilemma, when a shift towards V. Dilthey's hermeneutics was carried out. At the same time, hermeneutics itself is defined by Plesner as a universal method of philosophical anthropology. And Dilthey's approach expands in such a way that expressivity becomes a key characteristic of human life. Whereas descriptive psychology is the main tool for understanding inner being. The conclusions note the dependence of the boundaries of the concept of mental reality on the methodological orientation of V. Dilthey. It is indicated that the unconscious falls out of the Plesner field of the mental, and the idea of personality approaches social identity.

The proposed analysis is planned to be implemented using classical methods of interpretation, comparison, and generalization for philosophical analysis. The theoretical basis of the study is developed by H. Plesner's approach to the study of the structure of human existence, unfolding in two planes: horizontal – man as a subject and an object of culture. And the vertical one is man as the subject and object of nature.

Keywords: hermeneutics, psychic reality, philosophical anthropology, eccentric positionality, personality.

References

1. Batyuk K. Ya. *Edmund Gusserl' o soznanii kak osoboj real'nosti* [Edmund Husserl on consciousness as a special reality] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* – Herald of Vyatka State University for the Humanities. 2011. No. 3 (1). Pp. 23–25.
2. Bryanik N. V. *Analiz i osmyslenie: E. Mah i E. Gusserl'* [Analysis and comprehension: E. Mach and E. Husserl] // *Epistemy : sb. nauchnyh statej* – Epistems : collect. of scient. articles. Yekaterinburg. Azhur, 2014. Is. 9: Aspects of the analytical tradition. Pp. 25–35.
3. *Husserl E. Izbrannye raboty* [Selected works]. M. Territory of the future, 2005. 464 p.
4. *Husserl E. Sobranie sochinenij. T. 3 (1). Logicheskie issledovaniya. T. II (1)* [Collected works. Vol. 3 (1). Logical research. Vol. II (1)] / transl. from German by V. I. Molchanov. M. Gnosis ; House of intellectual books, 2001. 576 p.
5. *Husserl E. Filosofiya kak strogaya nauka* [Philosophy as a strict science]. Novocherkassk. Saguna, 1994. 357 p.
6. *Dilthey V. Vozzrenie na mir i issledovanie cheloveka so vremen Vozrozhdeniya i Reformacii. Izd. 2-e* [Outlook on the world and human research since the Renaissance and Reformation. Ed. 2nd]. M. ; SPb. Center for Humanitarian Initiatives, 2013. 464 p.
7. *Dilthey V. Germenevticheskaya sistema Shlejermahera v ee otlichii ot predshestvuyushchej protestantskoj germenevtiki : sobr. sochinenij : v 6 t. T. 4: Germenevtika i teoriya literatury* [Schleiermacher's hermeneutical system in its difference from the previous Protestant hermeneutics : collected works : in 6 vols. Vol. 4: Hermeneutics and theory of literature] / ed. by A. V. Mikhailov and N. S. Plotnikov / transl. from German. under the ed. of V. V. Bibikhin and N. S. Plotnikov. M. House of Intellectual Books, 2001. 531 p.
8. *Dilthey V. Opisatel'naya psihologiya* [Descriptive psychology]. M. RIPOL classic, 2018. 290 p.
9. *Dilthey V. Sobranie sochinenij : v 6 t. T. 1: Vvedenie v nauki o duhe* [Collected works : in 6 vols. Vol. 1: Introduction to the sciences of the spirit] / ed. by A. V. Mikhailov and N. S. Plotnikov; transl. from German and ed. by V. S. Malakhov]. M. House of Intellectual Books, 2000. 762 p.
10. *Dilthey V. Sobranie sochinenij : v 6 t. T. 3: Postroenie istoricheskogo mira v naukah o duhe* [Collected works : in 6 vols. 3. Vol. 3: The construction of the historical world in the sciences of the spirit] / ed. by A. V. Mikhailov, N. S. Plotnikov // transl. from German and ed. by V. A. Kurenny]. M. Three Squares, 2004. 418 p.
11. *Ishchenko N. I. Plesner vs Hajdegger: problema ekzistencii* [Plesner vs Heidegger: the problem of existence] // *Filosofskie nauki* – Philosophical Sciences. 2013. No. 7. Pp. 65–78.
12. *Ishchenko N. I. Hel'mut Plesner: Problema ekzistencii* [Helmut Plesner: The problem of existence] // *Artikul't* – Articult. 2013. No. 4 (12). Pp. 37–46.

13. *Ishchenko N. I. Hel'mut Plesner: smekh i plach* [Helmut Plesner: laughter and crying] // *Filosofskie nauki* – Philosophical Sciences. 2014. No. 12. Pp. 66–77.
14. *Mihajlov A. V. Izbrannoe. Istoricheskaya poetika i germenевtika* [Favorites. Historical poetics and Hermeneutics]. SPb. Publishing House of St. Petersburg University, 2006. 560 p.
15. *Mozzhilin S. I. Psihicheskaya real'nost' duha i evolyuciya nравstvennogo soznaniya* [The psychic reality of the spirit and the evolution of moral consciousness] // *Povolzhskij trgovо-ekonomicheskij zhurnal* – Volga Region Trade and Economic Journal. 2010. No. 4. Pp. 104–109.
16. *Plesner H. Stupeni organicheskogo i chelovek: Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu* [The stages of the organic and man: An introduction to philosophical anthropology] / transl. from German. M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2004. 368 p.
17. *Reinach A. Sобрание sochinenij* [Collected works]. M. House of Intellectual Book, 2001. 482 p.
18. *Rodi F. Zhiznennye korni gumanitarnyh nauk. Germenевtika. Psihologiya. Istoriya. [Vil'gel'm Dil'tej i sovremennaya filosofiya] : mat-ly nauchnoj konferencii RGGU* [The vital roots of the humanities. Hermeneutics. Psychology. History. [Wilhelm Dilthey and modern philosophy] : materials of the scient. conference of the Russian State University] / ed. by N. S. Plotnikov. M. Three Squares, 2002. 208 p.
19. *Ulanovskij A. M. Proekty opisatel'nyh psihologij i opisatel'nye issledovaniya v psihologii : sb. nauchnyh statej* [Projects of descriptive psychology and descriptive research in psychology : collect. of scient. articles]. M. Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. Is. 2: Promising areas of psychological science. Pp. 187–202.
20. *Filosofy dvadcatogo veka. Kniga pervaya* – Philosophers of the twentieth century. The first book / A. M. Rutkevich, T. A. Kuzmina, M. S. Kozlova, I. A. Mikhailov, etc.; ed. by L. P. Orlov. 2nd ed., reprinted and add. M. Art of the XXI century, 2004. 367 p.
21. *Cherepanova E. S. Perspektivy filosofskoj antropologii: ot klassicheskoy metodologii X. Plesnera k postklassicheskoy interpretacii I. Fishera* [Prospects of philosophical anthropology: from the classical methodology of H. Plesner's approach to the postclassical interpretation of I. Fischer] // *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki* – News of Ural State University. Series 3: Social Sciences. 2010. No. 4 (83). Pp. 149–157.
22. *Shul'ga E. N. Biogermenевtika, ili Kak my ponimaem prirodu – novyj podhod k ekologii cheloveka* [Biohermeneutics, or How we understand nature – a new approach to human ecology] // *Filosofskie nauki* – Philosophical Sciences. 2017. No. 5. Pp. 82–97.
23. *Shul'ga E. N. Filosofskie koncepcii zhizni i znachenie germenевtiki v ponimanii sushchnosti zhivogo* [Philosophical concepts of life and the meaning of hermeneutics in understanding the essence of life] // *Voprosy filosofii* – Questions of philosophy. 2018. No. 11. Pp. 76–85.
24. *De Mul Jos. Comprendere la natura. Dilthey, Plessner e la bioermenевtica* // *Lo sguardo. Rivista di filosofia*. 2014. No. 14. Pp. 117–134.

Поступила в редакцию: 06.02.2024

Принята к публикации: 28.05.2024